
ВАЛЮТНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л. Н. Красавина

В статье анализируются тенденции и перспективы развития валютной глобализации с учетом новых явлений в глобализирующейся мировой экономике. Обоснован вывод о расширении и углублении валютной глобализации в функциональном и институциональном аспектах. Выявлено соотношение между валютной глобализацией и региональной валютной интеграцией. Обоснована тенденция развития глобализации валютного регулирования с учетом уроков современного валютного регулирования, мирового финансово-экономического кризиса и предстоящей реформы мировой валютной системы.

В российской экономической науке значительное внимание уделяется анализу глобализации мировой экономики. Большой вклад в изучение этого сравнительно нового процесса, начавшегося в конце 1990-х – начале 2000-х гг., внесли А. Н. Чумаков, Э. Г. Кочетов, А. И. Татаркин, В. С. Паньков, Ю. В. Шишков, Е. С. Хесин, Р. И. Хасбулатов и другие ученые.

Однако проблемы валютной глобализации недостаточно исследованы. Между тем глобализация мировой экономики определяет первостепенную тенденцию и перспективу развития международных валютных отношений.

Исходный пункт данного анализа относится к онтологии – понятию валютной глобализации как одной из форм глобализации мировой экономики с учетом специфики международных валютных отношений. В связи с этим, на наш взгляд, валютная глобализация – высшая степень интернационализации валютных отношений, связанных с функционированием валют в мировой экономике и институциональной организацией этих отношений в соответствии с принципами мировой валютной системы. Сочетание функционального и институционального подходов дает возможность глубже раскрыть сущность развития валютной глобализации.

Фундаментальная причина валютной глобализации как одной из форм экономической и финансовой глобализации коренится в противоречии между интернационализацией процесса общественного воспроизводства и сохранением его национальной специфики. Непосредственной причиной валютной глобализации является, с одной стороны, противоречие между возросшей степенью интернационализации валютных отношений и их организацией в форме мировой валютной системы, а с другой – сохранение национальных особенностей международных валютных отношений стран и валютной системы. Валютная глобализация как одна из форм финансовой глобализации обгоняет глобализацию в сфере материального производства.

Однако, на наш взгляд, некорректно на этом основании утверждать, будто финансовый капитал «оторвался от своей основы» и на практике это превращение приняло вид явления, неудачно названного «финансиализацией» [Бузгалин, Колганов 2009: 42].

Куда движется век глобализации? 120–132

Такое понимание противоречит сложившемуся в российской экономической литературе понятию финансового капитала как продукта сращивания промышленного и банковского капитала. Западный термин «финансиализация» в переводе на русский язык означает, видимо, характерное для финансовой глобализации увеличение масштаба мировых финансовых потоков, перераспределяемых через мировой финансовый рынок, развитие финансового сектора, опережающего производственный сектор экономики. Но эти финансовые, в том числе валютные, потоки не могут целиком оторваться от реального капитала, который служит их основой, поскольку они связаны с временным высвобождением денежного капитала в процессе воспроизводства. Поэтому речь идет не об отрыве финансового капитала от своей основы – реального капитала, а об опережающем возрастании фиктивного капитала по сравнению с реальным в условиях глобализации экономики.

Поскольку валютные отношения обслуживают микрохозяйственные связи, это определяет *многоуровневый характер валютной глобализации*, сопровождающей интернационализацию процесса воспроизводства. Происходит расширение валютной глобализации, так как валютные отношения опосредствуют растущий объем мировой торговли товарами и услугами, и особенно международного движения капитала, включая фиктивный, в том числе базовых и производственных финансовых инструментов. Это явление отражено в «Руководстве МВФ по составлению платежного баланса», которое публикуется с 1993 г. (его шестое издание было опубликовано в 2009 г.). Традиционный раздел платежного баланса «движение капиталов и кредитов дан в новой редакции» – «движение капиталов и финансовых инструментов» [Balance... 2009].

В российской экономической литературе справедливо подчеркивается возрастающее в условиях глобализации экономики противоречие между фиктивным и реальным капиталом в структуре мировой экономики [Татаркин, Бурьков 2005: 144]. Однако, на наш взгляд, опережающий рост мировых финансовых потоков по сравнению с ростом объема товарной продукции не идентичен увеличению объема только фиктивного капитала, так как мировые финансовые и валютные потоки связаны с движением и фиктивного, и реального денежного капитала, например в форме прямых иностранных инвестиций и кредитов.

О масштабах валютной глобализации свидетельствует растущий оборот мирового валютного рынка, который в десятки раз повышает объем торговли товарами и услугами, что свидетельствует о диспропорции между валютной и товарной массой в мировом обороте. Суточный объем операций на мировом валютном рынке возрос с 10–20 млн долларов в 1979 г. до 1,5 трлн в начале 2000-х гг. и 2,3 трлн долларов в 2009 г. [Красавина 2011].

В условиях глобализации мирового валютного рынка как одного из сегментов мирового финансового рынка формируются его институциональные и функциональные особенности. В институциональном аспекте на этом рынке усиливаются позиции ТНК и ТНБ, новых институциональных небанковских посредников, коллективных инвесторов, разнообразных фондов (в том числе хедж-фондов), активизируется роль международных финансовых институтов.

Под влиянием экономической и валютной глобализации сформировались функциональные особенности мирового валютного рынка: небывалый рост емкости и глубины рынка, диверсификация инструментов валютных сделок, в том

числе производных валютных инструментов (форварды, фьючерсы, опционы, свопы и т. д.). Усиливается виртуализация валютных операций с использованием современных технологий и средств информации, стандартизация валютных сделок, увеличивается объем спекулятивных валютных сделок. В итоге возрастает отрыв деятельности валютного рынка от интернационализации процесса воспроизводства.

Чрезмерная либерализация мирового валютного рынка как сегмента мирового финансового рынка привела к снижению эффективности надзора и контроля за его деятельностью, она стала одной из причин мирового финансово-экономического кризиса.

Понятие валютной глобализации основано не только на количественной, но и на качественной ее характеристике. Углубление данного процесса обусловлено влиянием следующих тенденций:

- развитие интернационализации валютных отношений, связанное с новым видом международного разделения труда, который Ю. В. Шишков назвал международным разделением производственного процесса, меняющим облик мировой экономики [Шишков 2004: 15];

- глобализация рынка товаров, услуг, трудовых ресурсов, капиталов в результате интеграции национальных рынков в мировой;

- внедрение новых технологий и стандартов межстранового перераспределения мировых валютных потоков с использованием электронного банкинга, Интернета;

- развитие институционального аспекта валютной глобализации, проявляющегося в тенденции адаптировать существующие институты межгосударственного валютно-экономического регулирования к условиям глобализации.

Научно-практический интерес представляет новое направление исследований – прогнозирование перспектив валютной глобализации. При разработке логической модели ее будущего развития целесообразно выделить два предметных поля. В их числе сочетание изучения палеоглобалистики (от греч. *palais* – древний, в данном контексте – предшествующий) и валютной футуроглобалистики (от лат. *futurum* – будущий) по аналогии с терминологией глобалистики, разработанной ведущими специалистами [Чумаков 2011; Кочетов 2006б].

Специфика предметного поля валютной палеоглобалистики заключается в выявлении преимущественности развития исторически сложившихся тенденций по мере интернационализации валютных отношений. Эта специфика обусловлена особенностями валютных отношений. Во-первых, исторический экскурс свидетельствует о том, что еще до глобализации экономики в условиях свободной рыночной конкуренции была создана первая мировая валютная система (в 1867 г.). Во-вторых, валютная сфера отличается определенной инертностью и медленным изменением ее элементов и формы организации в виде структурных принципов мировой валютной системы. Например, после Первой мировой войны новая – Генуэзская – мировая валютная система была создана лишь в 1922 г., несмотря на длительный валютный кризис в послевоенный период. Приведем другой пример: потребовалось 10 лет дискуссий и подготовительной работы для создания в 1976–1978 гг. ныне существующей Ямайской мировой валютной системы после развала Бреттон-Вудской системы. Давно назрела необходимость реформирования Ямайской валютной системы, но, несмотря на многообещаю-

щие заявления на саммитах «Группы 20», наступило затишье, так как ее структурные принципы устраивают ведущие страны, валюты которых используются в качестве мировых и включены Фондом в перечень свободно используемых валют, входящих в корзину СДР.

Предметное поле исследования валютной футуроглобалистики включает анализ перспектив не только эволюции и модификации исторически сложившихся тенденций, но и новых явлений. Прогнозирование этих перспектив должно сочетаться с оценкой роли валютного фактора в обеспечении стабильного развития мировой и национальных экономик с учетом уроков современного мирового финансово-экономического кризиса. Важной составляющей перспектив валютной глобализации является прогнозирование направлений реформы Ямайской мировой валютной системы, которая не обеспечивает валютно-экономическую стабильность в мире.

Подобное ценностное ранжирование перспектив предметного поля изучения тенденций валютной глобализации, включающее модификацию сложившихся тенденций и новых явлений в этой сфере, имеет научно-практическое значение, так как валютная стабильность способствует устойчивому развитию экономики в национальном и глобальном масштабах.

Изучение перспектив валютной глобализации включает прогнозирование их позитивных, негативных, альтернативных тенденций и контртенденций. Однако их определение и оценка перспектив возможны лишь в качественном, а не в количественном аспекте в связи с отсутствием достоверной статистической информации и приемлемых сценарных условий их развития в обозримом будущем.

Прогнозирование развития глобализации мировой экономики определяет перспективу расширения и углубления валютной глобализации, которая приобретет количественные и качественные изменения.

М. Афанасьев и Л. Мясникова считают, что глобализация в ее современной форме охватывает лишь 30 % стран мира, то есть примерно 60 стран [Афанасьев, Мясникова 2005: 11]. В. С. Паньков справедливо оспаривает это мнение, противоречащее сущности глобализации, которая «неуклонно втягивает в себя все хозяйственное пространство планеты Земля, хотя и с разной интенсивностью по отношению к его отдельным элементам (странам, регионам, секторам и т. д.)» [Паньков 2009: 37–38]. Напомним, что в ВТО участвуют 154 страны с учетом присоединения России в 2012 г., в мировой валютной системе – 187 стран – членов Международного валютного фонда.

Перспектива усиления валютной глобализации обусловлена взаимосвязью международных валютных отношений со всеми сферами международных экономических отношений и сегментами мирового финансового рынка (фондовым, кредитным, валютным, страховым и рынком золота). В будущем эти взаимосвязи будут возрастать по мере развития глобализации экономики и особенно финансовой глобализации, обгоняющей уровень интернационализации хозяйственных связей в сфере материального производства. В перспективе, вероятно, сохранится тенденция к ослаблению связи международной миграции финансовых, в том числе валютных, потоков с динамикой мирового ВВП. Это объясняется тем, что между производителями ВВП и торговой сетью его реализации на мировых рынках расширяется сеть многочисленных посредников – участников мирового и национальных финансовых рынков. В их числе – корпорации и банки, особенно

ТНК

и ТНБ, специализированные финансово-кредитные институты, биржи, многочисленные фонды.

Углубление валютной глобализации в перспективе связано с повышением степени интернационализации процесса воспроизводства и межстранового перераспределения мировых финансовых потоков, номинированных в разных валютах. Возрастание этих потоков связано с дальнейшим развитием виртуализации сделок с фиктивным капиталом, так как невозможно запретить участникам мирового финансового рынка осуществлять доходные спекулятивные операции с ценными бумагами, в том числе с производными финансовыми инструментами.

В связи с этим в перспективе сохранятся высокие риски, связанные с валютной глобализацией, что осложнит валютное обеспечение стабильного и устойчивого развития мировой экономики. Риски валютной глобализации обусловлены также неизбежным возобновлением практики надувания финансовых «пузырей» путем завышенной оценки реальных активов в результате спекулятивных сделок с ценными бумагами, недвижимостью, а также кредитных «пузырей» в связи с банковским перекредитованием клиентов, снижением требовательности к оценке их кредито- и платежеспособности. Сохранение системных рисков, обусловленных циклическим развитием экономики, создает риск очередного мирового финансово-экономического, в том числе валютного, кризиса.

В перспективе валютная глобализация будет эволюционировать, принимать новые формы, метаморфозы в связи с вероятностью качественной трансформации основных элементов и формы организации международных валютных отношений.

Противоречивость валютной глобализации обусловлена одновременным развитием валютного полицентризма и регионализма. Объективной основой этого процесса является дальнейшее изменение соотношения сил между мировыми экономическими и финансовыми центрами в результате неравномерности развития стран. Прогнозируется снижение доли трех традиционных центров – США, Западной Европы, Японии – с 40 % в 2009 г. до 28 % в 2030 г., увеличение доли Китая и Индии до 25 % объема мировой экономики к 2020 г. и до 33 % – в 2030 г. [О сценарных условиях... 2011].

Перспективы появления новых национальных валют – претендентов на статус мировых денег – определяются также степенью включения стран, эмитирующих эти валюты, в глобализационный процесс. По имеющимся данным, до мирового финансово-экономического кризиса к наиболее глобализированным относились 72 страны, на долю которых приходилось 97 % мирового ВВП и 88 % населения мира, включая пять европейских небольших стран, США, Канаду, а также азиатские страны – Сингапур, Гонконг, Иорданию [Кириллов 2007]. Однако эта оценка глобализированности стран основана лишь на 12 количественных показателях. В их числе степени экономической интеграции, личных контактов, технологической совместимости, политического участия. Эти показатели при всей их значимости не дают качественной оценки степени участия стран в глобализации мировой экономики. Например, в соответствии с приведенным выше рейтингом в числе пяти наиболее глобализированных европейских государств оказались четыре малые страны из 27 государств Европейского сообщества (Нидерланды, Ирлан-

дия, Дания, Эстония), которые не определяют международные позиции евро, а также Швейцария, валюта которой при всей ее привлекательности занимает незначительную нишу среди мировых валют.

Другой пример несоответствия количественных показателей включения страны в процесс глобализации степени и места ее валюты в валютном многоцентризме касается ранжирования США после европейских стран без учета качественного показателя американского доминирования в этих процессах, в частности международной конкурентоспособности доллара.

Что касается Канады, которая по количественным показателям отнесена к десятке лидеров по степени включенности в глобализацию мировой экономики, ее валюта не фигурирует среди претендентов на статус мировых денег.

Включение Сингапура, Гонконга, Иордании в число стран – лидеров по степени интегрированности в глобализирующуюся экономику не проявляется в их участии в валютном полицентризме, так как они используют преимущественно доллары, евро и некоторые другие зарекомендовавшие себя мировые валюты. Новым явлением стало использование офшорного юаня в Гонконгском мировом финансовом центре.

Следовательно, лидерство стран в валютном полицентризме зависит не только и не столько от количественных показателей их включенности в процесс глобализации мировой экономики, сколько от вклада этих стран в мировой ВВП, их экономического и валютного потенциала, эффективности валютной политики и валютной стратегии, ориентированной на интернационализацию использования национальной валюты и повышение ее рыночной конкурентоспособности.

Перспективы развития валютной глобализации формируются под воздействием новых явлений, обозначившихся под влиянием мирового финансово-экономического кризиса и изменения соотношения сил в мировой экономике. В их числе:

1) дифференциация двух ведущих мировых экономических и финансовых центров – США и еврозоны;

2) усиление роли стран с быстро развивающейся экономикой;

3) накопление докризисных и послекризисных негативных рисков в развитии мировой и национальных экономик в период после кризиса [Ершов 2011].

Новым фактором, определяющим развитие валютной глобализации как формы проявления части глобализации мировой экономики, стал современный мировой финансово-экономический кризис и его уроки. Негативные последствия кризиса, разная степень его воздействия на национальные экономики способствуют усилению неравномерности экономического развития стран и регионов, обострению глобальных противоречий, в том числе в валютной сфере.

Доминирующей тенденцией является использование нескольких конкурирующих национальных валют в качестве мировых. Ушел в прошлое валютный монополизм в виде господства фунта стерлингов в XIX в. и доллара США – в XX в., особенно после Второй мировой войны. Господство фунта стерлингов было обусловлено лидирующими позициями Великобритании в мировом производстве и торговле, морских перевозках грузов, банковской и страховой деятельности. Эта крупная колониальная держава достигла высокого уровня развития экономики, внешней торговли, банковской системы, финансового рынка. Лондонский мировой финансовый центр доминировал до Первой мировой войны. Этому

способствовало лидерство Великобритании во введении золотомонетного стандарта фактически в конце XVIII в., а юридически – в 1816 г., то есть раньше других стран, и в развитии зарубежной банковской сети. С 1830 г. английские банки стали открывать филиалы в Австралии, Канаде и в своих колониях для обслуживания торговых и инвестиционных операций своих клиентов. В конце Первой мировой войны из 2600 зарубежных банковских подразделений в мире 80 % принадлежали британским банкам [Slager 2005: 23].

Благодаря лидерству фунта стерлингов как мировой валюты Великобритания покрывала дефицит своего платежного баланса не золотом, как другие страны, а национальной валютой. Тем самым впервые в истории международных валютных отношений Великобритания как страна – валютный гегемон использовала валютный механизм перераспределения части мирового ВВП в свою пользу. Этот опыт был использован США после Второй мировой войны, когда доллар стал господствующей мировой валютой.

Валютный монополизм Великобритании был ликвидирован по окончании Первой мировой войны, когда изменилась расстановка сил в мировой экономике в пользу США. Мировой финансовый центр переместился из Западной Европы в Америку. США стали нетто-кредитором. Их внешний долг (7 млрд долларов в 1913 г.) сократился более чем вдвое к 1926 г., а международные требования возросли в 6 раз (с 2 млрд до 12 млрд долларов). В результате притока в США золота, в основном из Европы (2,3 млрд долларов в 1914–1921 гг.), их доля в мировых золотых резервах удвоилась (с 23 % в 1914 г. до 46 % в 1924 г.). США остались почти единственной страной, сохранившей золотомонетный стандарт, а курс доллара к иностранным валютам в этот период повысился на 10–90 %.

В результате укрепления валютно-экономического потенциала США в итоге Первой мировой войны валютный монополизм в форме господства фунта стерлингов сменился полицентризмом, основанным на его жесткой рыночной конкуренции с окрепшим долларом США. Однако в Генуэзской валютной системе (созданной в 1922 г.) статус мировой официально не был закреплен ни за одной валютой.

После окончания Второй мировой войны вновь сформировался валютный моноцентризм, на этот раз в форме господства доллара. Объективной основой американоцентризма стало изменение соотношения сил между мировыми центрами в пользу США за счет Западной Европы и Японии. В 1949 г. США сосредоточили 54,6 % промышленного производства (без СССР), 33 % экспорта, около 75 % золотых резервов стран всего мира. Доля стран Западной Европы в промышленном производстве упала с 38,3 % в 1937 г. до 31 % в 1949 г., в экспорте товаров – с 34,5 % до 28 %. Их золотые резервы снизились с 9 млрд до 4 млрд долларов, что было в 6 раз меньше, чем у США (24,6 млрд долларов), размер их неравномерно распределялся между странами [Международные... 2007].

Особенностью долларовой гегемонии после Второй мировой войны стало закрепление за долларом статуса резервной валюты Бреттон-Вудским соглашением. Одновременно этот статус был присвоен ослабевшему фунту стерлингов, учитывая его историческую роль как мировой валюты. Также сохранилась значительная доля фунта стерлингов в международных расчетах, хотя она снизилась до 40 % против 80 % в 1913 г.

США использовали гегемонию доллара для укрепления своих позиций в мировой экономике, для перераспределения части национального дохода других стран в свою пользу. Долларовый монополизм обострил валютно-экономические противоречия стран. С конца 1960-х гг. на основе формирования трех мировых экономических и валютных центров партнерства и соперничества (США – Западная Европа, особенно Европейское экономическое сообщество [ЕЭС] – Япония) в противовес американоцентризму стала развиваться тенденция к валютному полицентризму. В 1984 г. на долю стран ЕЭС приходилось 36 % промышленного производства стран ОЭСР (США – 34,3 %); 33,7 % экспорта (США – 12,7 %); 38 % золотых резервов (США – 23 % против 75 % в 1949 г.); 53 % валютных резервов (США – 10,8 %).

Ухудшились валютные позиции США. «Долларовый голод» в мире сменился «долларовым пресыщением». Избыток долларов в виде лавины «горячих» денег периодически обрушивался на финансовые рынки то одних, то других стран, вызывая валютные потрясения и «бегство» от нестабильного доллара к другим валютам. Долларовый моноцентризм стал одной из причин кризиса Бреттон-Вудской валютной системы. В разгар кризиса центральные банки ряда стран Европы и Японии отказывались конвертировать обесценивающиеся доллары в свои национальные валюты.

Кризис доллара как резервной валюты достиг апогея при его девальвации (в декабре 1971 г. на 7,89 % и в феврале 1972 г. – на 10 %), прекращении размена долларов на золото в американском казначействе для иностранных центральных банков по заниженной официальной цене желтого металла. Следовательно, тенденция к снижению монопольной роли доллара как мировой резервной валюты началась с конца 1960-х гг. в условиях кризиса Бреттон-Вудской системы, а не с начала 2000-х гг., как считают некоторые авторы [Паньков 2009].

Наступление окрепших западноевропейских валют (еще до введения евро) и японской иены на доллар подорвало валютный монополизм США. Возродилась и усилилась тенденция к валютному полицентризму, которая проявилась в создании ныне функционирующей Ямайской мировой валютной системы (1976–1978 гг.) на базе стандарта СДР – международной валютной единицы, средневзвешенный курс которой определяется на базе валютной корзины (ныне доллар, евро, фунт стерлингов, иена).

Идея многовалютного стандарта, конкретизированная в виде набора валют, входящих в валютную корзину международной валютной единицы, может получить развитие в перспективе при реформе современной мировой валютной системы [Красавина 2011].

Изменение соотношения сил в условиях полицентризма глобализирующейся экономики стимулирует развитие тенденции интернационализации национальных валют, не имеющих статуса мировых денег, то есть не включенных МВФ в перечень «свободно используемых валют», входящих в корзину СДР. Кстати, в измененном уставе Фонда нет Бреттон-Вудского термина «резервная валюта», хотя в силу инерции он часто употребляется. Мировой финансово-экономический кризис повлиял на использование национальных валют быстроразвивающихся стран даже при отсутствии их свободной конвертируемости. Проявлением этой тенденции стало применение российского рубля во внешнеторговых расчетах стран ЕвразЭС, а также с некоторыми странами БРИКС на основе двусторонних со-

глашений о взаимном использовании национальных валют (с Китаем, Бразилией в 2011 г.). Страны БРИКС на своем форуме в 2012 г. приняли решение о взаимном использовании национальных валют вместо доллара в сфере торговых и кредитных отношений. На мировом валютном рынке Fogex рубль постепенно внедряется в расчеты. Формируется рынок рублевых финансовых инструментов, ценных бумаг, номинированных в рублях, путем эмиссии депозитарных расписок, еврооблигаций [Мишина и др. 2011]. В 2010 г. был создан межведомственный совет по усилению роли рубля в международных взаиморасчетах. Для повышения эффективности интернационализации использования рубля необходима разработка концепции этого нового направления внешней валютной политики России с учетом мирового опыта трансформации национальных валют в мировые [Красавина 2008].

Новым явлением стала интернационализация использования юаня на основе ускорения темпов развития экономики Китая. Разработана стратегия превращения данной страны в крупную мировую державу к 2030 г., создания в Шанхае мирового финансового центра, введения свободной конвертируемости юаня к 2015 г. [Ву и др. 2010]. В преддверии создания инфраструктуры, необходимой для внедрения юаня в международный оборот, Китай сделал ставку на использование офшорного юаня во внешнеэкономических операциях через мировой финансовый центр в Гонконге, где китайская валюта с 2003 г. обращается в основном в туристическом секторе и розничной торговле.

Развитие валютного регионализма в глобализирующейся мировой экономике проявляется в тенденции использования региональных валют и валютных единиц в интеграционных экономических объединениях разных регионов. По масштабу валютная регионализация отстает от валютной глобализации, но по глубине развития опережает интернационализацию валютных отношений, так как базируется на экономической интеграции в регионе. Как свидетельствует опыт формирования евро, единой валюты 17 стран еврозоны из 27 стран Евросоюза, ее фундаментальной предпосылкой является создание регионального экономического союза, а затем на его основе – валютного союза. Напомним, что создание европейской экономической интеграции началось с 1957 г. (Римский договор), а завершающим этапом стало создание валютного союза с 1992 г. (Маастрихтский договор). Венцом интеграционного процесса стало создание европейского Экономического и валютного союза (ЭВС) в 1999 г. и введение евро. Это единственная региональная валюта, которая в результате рыночной конкуренции с долларом стала второй по значению мировой валютой.

Другие региональные валюты используются лишь в пределах экономических объединений разных регионов. Например, «африканский франк» – в Экономическом и валютном сообществе государств Центральной Африки, западноафриканский франк КФА – в Экономическом и валютном союзе Западной Африки. Обе валюты прикреплены к евро.

В остальных региональных экономических объединениях используются соответствующие мировые валюты и региональные валютные единицы, но разрабатываются проекты региональных валют, таких как АКЮ (в АСЕАН+3), единой арабской валюты, единой африканской валюты и т. д.

Тенденция валютного регионализма развивается на пространстве СНГ, особенно в ЕврАзЭС, где формируется Евразийский экономический союз. С этой целью с 2012 г. начался переход к Единому экономическому пространству стран –

членов Таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия) в 2015 г. На основе создания Евразийского экономического союза станет возможным формирование валютного союза и, возможно, единой валюты.

Анализ тенденций к валютному полицентризму и регионализму позволяет сделать вывод, что они противостоят валютной глобализации в *функциональном аспекте*, то есть в сфере отношений, связанных с функционированием валют в мировом обороте. Наиболее развита валютная глобализация в *институциональном аспекте* в форме организации валютных отношений, регламентируемых принципами мировой валютной системы.

Исторический экскурс свидетельствует о тенденции к межгосударственному валютному регулированию с созданием первой мировой валютной системы в 1867 г. еще в условиях капитализма свободной рыночной конкуренции. В этой связи вызывает сомнение утверждение, будто рыночному хозяйству зрелого капитализма последней трети XIX – начала XX в., когда господствовал золотой стандарт, был «присущ “однослойный механизм” регулирования хозяйственной жизни, включавший в себя только уровень спонтанно-рыночного регулирования» [Паньков 2009]. В действительности преобладающее рыночное валютное регулирование сочеталось с межгосударственным регулированием структурных принципов мировых валютных систем: Парижской (с 1867 г.), далее – Генуэзской (с 1922 г.), Бреттон-Вудской (с 1944 г.), Ямайской (с 1976–1978 гг.).

Предпосылки современной глобализации валютного регулирования постепенно формировались в процессе развития четырех валютных систем. Ее новое качество характеризуется повышением степени интернационализации валютного регулирования по линии расширения и углубления.

О расширении масштаба межгосударственного валютного регулирования свидетельствует увеличение числа стран, участвующих в мировой валютной системе – с 39 в 1944 г. при создании Бреттон-Вудской системы до 187 в современной Ямайской мировой валютной системе. До 1990-х гг. межгосударственное валютное регулирование развивалось в рамках капиталистической системы мировой экономики, не распространяясь на социалистическую систему хозяйства, так как существовали два мира и две валютные системы. С переходом России и других бывших социалистических стран от планово-централизованной экономики к рыночной и вступлением их в МВФ, устав которого регламентирует принципы мировой валютной системы, межгосударственное валютное регулирование приобрело глобальный масштаб, охватив почти все страны.

Развитие глобализации валютного регулирования на межгосударственном уровне вглубь проявляется в разработке документов двух видов. В их числе нормативные документы – межгосударственные валютные соглашения, обязательные для стран, которые их ратифицировали. Устав МВФ возложил на страны-члены обязательство соблюдать структурные принципы мировой валютной системы – Бреттон-Вудской, затем Ямайской. За несоблюдение этих обязательств предусмотрены санкции в виде разных методов принуждения, включая отказ Фонда предоставлять кредиты странам, нарушающим международные договоренности. Однако в уставе МВФ не предусмотрены исключения из этого правила, если международные обязательства по регулированию валютных отношений противоречат национальному законодательству и интересам страны – члена МВФ. В связи с этим в целях национальной валютно-экономической безопасности многие стра-

ны не соблюдали установленные МВФ сроки введения конвертируемости национальных валют, порядок заблаговременного оповещения Фонда об их девальвации, рекомендованный режим фиксированного валютного курса. Проявлением валютной глобализации с центральными банками ведущих стран является подписание соглашения МВФ о регулировании ежегодной продажи золота из официальных резервов в целях стабилизации рынка монетарного золота, поскольку изменение его цены влияет на валютный курс.

Другой вид документов, относящийся к межгосударственному валютному регулированию, – декларации, конвенции, рекомендации. Их цель – внедрить новые формы валютного регулирования, смягчить валютные противоречия между странами, применить валютные санкции, решить проблемы, связанные с международными валютно-кредитными отношениями.

С середины 1970-х гг. своеобразным органом межгосударственного валютного регулирования стали регулярные совещания на высшем уровне с определенным числом участников. Впервые в 1975 г. в связи с мировым энергетическим кризисом одним из побудительных мотивов их проведения стала необходимость принятия согласованных мер по сдерживанию отрицательных последствий повышения мировых цен на нефть для защиты интересов развитых стран – импортеров нефти. С тех пор на совещаниях в верхах обсуждаются и принимаются решения по актуальным мировым экономическим и политическим проблемам. В мае 1998 г. «семерка» («G-7») официально стала «Группой-8», включая Россию, хотя она остается нетипичным участником этого закрытого клуба.

В условиях современного мирового финансово-экономического кризиса новое качество глобализации валютного регулирования на межгосударственном уровне проявилось в формировании более представительной «Группы 20» («G-20»). Ее решения по преодолению кризиса и обеспечению финансово-экономической стабильности приобрели обязательный и в известной мере наднациональный характер. Страны – участницы регулярных встреч должны регулярно сообщать рабочей группе «G-20» об их участии в выполнении решений саммитов. С учетом уроков современного мирового кризиса особое внимание уделено проблеме надзора и контроля, усиления регламентации деятельности ТНК и ТНБ – главных участников мировой экономики и мирового финансового рынка. В частности, это проявляется в ужесточении рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору. Появилась тенденция к усилению требований к банкам в рамках рекомендаций «Базель-2», а впоследствии – «Базель-3». Глобализация валютного регулирования проявляется в стремлении международных организаций ввести глобальные правила, регламентирующие деятельность участников мирового финансового рынка.

В стратегиях глобализации валютного регулирования переплетаются тенденции то его ослабления, то усиления.

Дерегулирование межгосударственных экономических, в том числе валютных, отношений считалось «столбовой дорогой» глобализации экономики в 1990-х гг. и особенно в начале 2000-х гг., до мирового кризиса. Это проявилось в снижении регулирующей роли международных организаций (ОЭСР, специализированных органов ООН), международных финансовых институтов, в том числе МВФ, группы Всемирного банка и других. ВТО, созданная в 1995 г. на базе

ГАТТ, приняла решение о либерализации нетарифного регулирования с целью снижения таможенных пошлин.

Валютная либерализация проявилась в отмене валютных ограничений и введении вначале частичной, затем свободной конвертируемости валют, в переходе стран от фиксированных к плавающим валютным курсам. От либерализации валютного регулирования выиграли страны, занимающие лидирующие позиции в мировой экономике. Проиграли менее конкурентоспособные страны, которые нередко прибегали и прибегают к валютному протекционизму для защиты национальных интересов.

Либеральная модель экономического регулирования оказалась неэффективной, привела к ослаблению надзора и контроля за деятельностью участников мирового финансового рынка и в итоге стала детонатором глобального финансово-экономического кризиса. В связи с кризисом либеральной модели регулирования на саммитах «G-20» были разработаны основы антикризисной модели глобализации экономического, в том числе финансового, валютного, регулирования с целью повышения управляемости мировой экономикой и валютной системой путем усиления межгосударственного надзора и контроля, особенно за деятельностью мирового финансового рынка.

Учитывая критику в адрес МВФ, в антикризисных программах, принятых на саммите «G-20», большое внимание уделено мерам по активизации его антикризисной деятельности и повышению роли как органа глобального валютного регулирования. В их числе предусмотрено утроение капитала МВФ (до 750 млрд долларов за счет стран-членов) и предоставление Фонду средств в рамках нового соглашения о займах с «Группой десяти» в сумме 100 млрд долларов. Эта мера предназначена для активизации кредитной деятельности Фонда в целях выхода стран из мирового финансово-экономического кризиса и обеспечения стабильного развития мировой экономики.

Современный кризис стимулировал новое направление глобального экономического, в том числе валютного, регулирования, направленное на обеспечение устойчивого развития мировой экономики и валютных отношений и на раннее предупреждение стран о возникновении кризисных потрясений.

Литература

Афанасьев М., Мясникова Л. Время глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 10. С. 11–19.

Бузгалин А. В., Колганов А. Н. Экономика кризиса: пределы рынка и капитала // *Главная книга о кризисе* / ред.-сост. А. В. Бузгалин. М. : Яуза, 2009.

Ву Ф., Пан Р., Ванг Д. Сможет ли юань стать мировой валютой? // *ЭКО*. 2010. № 12. С. 145–160.

Ершов М. Мировой финансовый кризис. Что дальше? М. : Экономика, 2011.

Кириллов Р. Самые глобализованные страны. РБК. Рейтинг [сайт]. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml.2007/ii/09/31705095>

Кочетов Э. Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учеб. для вузов. М. : Норма, 2006а.

Кочетов Э. Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006б.

Красавина Л. Н. Российский рубль как мировая валюта: стратегический вызов инновационного развития России // Деньги и кредит. 2008. № 5. С. 11–18.

Красавина Л. Н. Тенденции и перспективы реформы мировой валютной системы // Век глобализации. 2011. № 2. С. 29–43.

Международные валютно-кредитные и финансовые отношения: учеб. / под ред. Л. Н. Красавиной. 3-е изд. М. : Финансы и статистика, 2007.

Мишина В. Ю., Москалев С. В., Федоренко И. Б. Тенденции и перспективы развития российского валютного рынка // Деньги и кредит. 2011. № 7. С. 25–32.

О сценарных условиях долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. Материалы Министерства экономического развития РФ. М., 2011.

Паньков В. С. Глобализация экономики: сущность, проявление, вызовы и возможности для России. Ярославль : Верхняя Волга, 2009.

Татаркин А., Бурьков С. Об определении сущности процессов глобализации // Мир перемен. 2005. № 2. С. 144.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контурсы целостного мира. 2-е изд. М. : Прогресс, 2011.

Шишков Ю. Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 15–25.

Balance of Payments Manual. Washington: International Monetary Fund, 2009 [1993].

Slager A. Internationalization of Banks: Patterns Strategy, and Performance // The European Money and Finance Forum. Vienne, 2005. P. 23.